

Атеизм в оптике религиозной философии (С.Н. Булгаков о Л. Фейербахе и К. Марксе)

Исаков Алексей Александрович,

Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
(г. Арзамас, Россия)

Анализируя критику атеистических взглядов Фейербаха и Маркса С.Н. Булгаковым, автор показывает, что в основе ее лежит последовательное стремление к их антигуманистическому истолкованию. Автор полагает, что подобная тенденциозная критика должна нести свою долю ответственности за эволюцию марксизма в сторону тоталитарной идеологии.

Одним из интереснейших моментов религиозной критики атеизма стала многолетняя работа С.Н. Булгакова с наследием европейских мыслителей-атеистов, прежде всего, Л. Фейербаха и К. Маркса. Статья о Фейербахе, вышедшая в 1904 г., опубликованная десять лет спустя статья «Карл Маркс как религиозный тип» и соответствующие разделы в обобщающих работах по истории европейской мысли представляют интересный объект исследования с точки зрения освещения особенностей религиозной критики атеизма. Критика Булгаковым Фейербаха и Маркса заслужила высокую оценку современных исследователей, которым тексты, опубликованные задолго до революции, кажутся точным предсказанием тоталитарного будущего марксизма. Однако заметим, что не бывает прогнозов общественного развития, не влияющих на сам его процесс.

Анализ интересующего нас предмета мы начнем с характеристики методологических позиций Булгакова. Прежде всего, религиозный мыслитель прибегает к расширению границ религиозного мировоззрения и познания, включая в него «... жизненные задачи философии, вопросы об абсолютных ценностях или о смысле человеческой жизни, т. е. вопросы *религиозные* (курсив автора)» [1, с. 164]. Это поглощение философии религией позволяет автору без всякой аргументации утверждать, что «... человеческой душой владеют и историей движут реальные мистические начала, и притом ... полярные, непримиримые. ... религиозно нейтральных людей ... нет, фактически и в их душе происходит борьба Христа и “князя мира сего”» [1, с. 241]. Поэтому если с Фейербахом Булгаков заигрывает, доказывая, что он – не более чем заблуждавшийся христианин, то религиозный тип Маркса определяет однозначно. Фейербаху Булгаков прочит место в раю, Марксу – в преисподней. Вторая методологическая предпосылка – это отрицание глубокой связи марксизма и фейербахизма с традициями немецкой классической философии. Булгаков безосновательно утверждает, что «классическая идеалистическая философия неизменно соединялась с теми или иными религиозными идеями» [1, с. 259],

что позволяет ему заявить: «никакой преемственной связи между немецким классическим идеализмом и марксизмом не существует» [1, с. 249].

Этот тезис становится методологически наиболее удобным, поскольку позволяет не замечать кантовской и гегелевской происхождения некоторых особенно критикуемых Булгаковым идей.

Главный пункт критики – учение о родовой сущности человека. В свете первой методологической особенности (разделения людей на два религиозных типа) ее неприятие понятно. Булгаков не хочет иметь ничего общего с теми, кто находится на стороне «князя мира сего». Приведем одну, но очень показательную цитату: «(Пожасив светоч и опустив острие *разделяющего меча* (здесь и далее выделено нами, – А.И.), Фейербах оказывается вынужденным вместо религии человечества проповедовать культ *посредственности*, как нравственной, так и умственной» [1, с. 207]. Здесь видно стремление мерить человечество не по высшим его достижениям (как это делают Маркс и Фейербах), а по планке отчужденного от своей родовой сущности человека. О категории отчуждения Булгаков при этом не вспоминает. Это дает ему возможность утверждать, что посредственность – норма для марксизма и фейербахианства, тогда как на самом деле она – результат отчуждения, результат того, что сложившиеся общественные отношения не позволяют индивиду реализовать в себе все богатство задатков, содержащихся в его родовой сущности. Поэтому как раз Булгаков возводит отчужденное человеческое существование в абсолют, провозглашая, что «...та единственная в своем роде, незаменимая, абсолютно неповторяемая личность, которая только однажды на какой-нибудь момент *промелькнула* в истории, притягивает на вечность, на абсолютность, на непреходящее значение, которое может обещать только религия, живой «Бог живых» религии, а не мертвый бог мертвых социологии» [1, с. 246].

Второй пункт – роль государства в концепциях Фейербаха и Маркса – также связан с сознательным забвением традиций немецкого идеализма. Булгаков возмущен мыслью Фейербаха о том, что настала пора поставить государство на место религии: «Отвергнув Христа, он ставит реальной главой человечества главу государства» [1, с. 246]. Только речь здесь идет о национальном немецком государстве и национальной идеологии, а не об Антихристе. Булгаков полностью игнорирует гегелевское происхождение этой мысли: «...религия и основа государства – одно и то же: они тождественны в себе и для себя» [2, с. 400].

Гегелевский идеализм был вполне секуляризованным и рассматривал ее как такое же порождение объективного духа, как и государство. Отсюда и тезис Фейербаха о том, что конфессиональное единство немцев (конфессионально как раз разделенных) должно уступить место национальному, политическому единству, которое выразит сущность немецкого народа полнее и адекватнее. Но в трактовке Фейербаха Булгаковым нам видится совсем иное, а именно – образ грядущего тоталитарного вождя.

Третий пункт – концепция прогресса у Маркса и Фейербаха. Булгаков утверждает, что в ней «современное человечество рассматривается как цель, а все предыдущие поколения суть только средства для него» [1, с. 213].

Получается, что Маркс и Фейербах считают именно нынешнее состояние человечества венцом истории, тогда как это очевидно не так. Можно сколько угодно упрекать их в переносе целей прогресса в будущее (и Булгаков делает это), но единственное, что может предложить взамен религия, – это Второе пришествие и

воскресение мертвых. Позиция Булгакова приводит к абсолютизации исторической ограниченности каждого поколения людей, к признанию тщетности накопленных ими результатов труда (прежде всего – в виде знаний).

Все эти три пункта сводятся к отрицанию гуманистического смысла марксизма и фейербахизма. Гуманизм для Булгакова приемлем только как «протест против средневекового мировоззрения, хотя, правда, протест, не различающий формы от содержания, исторического злоупотребления от существа дела, но имеющий своим исходным пунктом не бунт против Бога, а защиту прав человека» [1, с. 219–220]. Поскольку средневековое мировоззрение ушло в прошлое, за ним должен последовать и привычный атеистический гуманизм. С водой Булгаков выплескивает и ребенка, и на выходе получается целая система антигуманистического прочтения идей Фейербаха и Маркса. На место исторически обновляющейся родовой сущности человека заступает посредственность, на место национального государства – тоталитарное, на место прогресса – конец истории. Марксизм и фейербахизм тем самым адаптируются к отчужденному мировоззрению тех людей, которых Булгаков называет «серыми». И делает эту работу тот, кто так ярко протестует против засилья посредственности.

Литература

1. Булгаков, С.Н. Сочинения : в 2 т. / С.Н. Булгаков. – М. : Наука, 1993. – Т 2 : Избранные статьи. – 751 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии : в 2 т. * Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 532 с.
3. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М. : Академический проект, 2010. – 775 с.
4. Фейербах, Л. Сущность христианства / Л. Фейербах. – М. : Мысль, 1965. – 414 с.